

№ 74. Воскресенье, 30 марта 1914 года.

У Т Р О Ю Г А

З а б ы т ы е.

«Вишневый садъ» въ постановкѣ нашихъ законодательныхъ учреждений...

Едва-ли самъ Художественный театръ поднимался когда-либо до подобной тоскующей глубины.

Всѣ занялись своимъ дѣломъ, — и прекрасная Раневская, и злополучный студентъ Трофимовъ. Гремятъ, ухаютъ и перекликаются говорливымъ звономъ топоры торгового промышленнаго Лопехина.

Уѣхала Раневская, наша мечта, наша сказка. Такъ недолго пробыла она въ своемъ вишневомъ саду. Улетѣла вмѣстѣ съ розовыми весенними лепестками.

Последнее явленіе. Черезъ темную, хранящую еще всѣ неприбранные слѣды недавняго переполоха, проходитъ Фирсъ, шмурыгая мягкими подошвами и произноситъ:

— А старичка-то забыли!...

Какое безысходное страданіе въ этихъ словахъ, какое отчаяніе и укоръ. Никому не нуженъ старикъ; заторопились, и никто о немъ не вспомнилъ....

Роль Фирса на этотъ разъ выпала председателю нашего верховнаго законодательнаго учрежденія, г. Родзянко. Онъ давно уже стоитъ въ старыхъ Фирсахъ при Раневской, нашей прекрасной дамѣ.

Свою, очень небольшую и незамѣтную, въ сущности говоря, роль г. Родзянко сумѣлъ выдвинуть на первый планъ. Это подлинное созданіе искусства.

Отъѣздъ прекрасной дамы въ невѣдомую страну былъ инсценированъ Государственнымъ Совѣтомъ по точному образцу Художественнаго театра, — даже со всѣми звуковыми эффектами.

Какъ будто бубенчики пѣзванивали на лѣвой.

Какъ будто немазанное колесо поскрипывало на правой.

И совѣтскій кучеръ съ солидной важностью сдерживалъ лошадей:

— Тпру!...

Куда вы увезли г-жу Раневскую, г. Акимовъ?

Судя по полученнымъ въ нашей редакціи телеграммамъ, — очень далеко.

Телеграммы относительно одного военнаго законопроекта, — онѣ заставляютъ насъ сильно тревожиться за судьбу г-жи Раневской.

Совѣтскій чиновникъ предложилъ начальнику законодательнаго отдѣла Государственной Думы измѣнить текстъ этого законопро-

екта. А когда ему было отказано въ этой просьбѣ, — законопроектъ, о которомъ шла рѣчь, былъ измѣненъ Государственнымъ Совѣтомъ самовольно...

Обычная исторія, когда кто-нибудь уѣзжаетъ. Некогда думать о мелочахъ. Некому слѣдить за порядкомъ, и многое валится съ возу и пропадаетъ безслѣдно.

Тутъ, пожалуй, можно было-бы окончить печальную исторію о вишневомъ садѣ, отцвѣтшемъ, не успѣвши расцвѣсть и о владѣтельницѣ его, прекрасной дамѣ.

Но, по Чехову, нужно последнее явленіе, послѣдній гвоздь въ гробовую крышку нашихъ надеждъ.

Заклочительное явленіе: выходитъ Фирсъ, въ исполненіи г. Родзянко.

— А старика-то и забыли!

Какое отчаяніе, какая тоска по прошлому звучитъ въ этомъ заключительномъ явленіи, въ письмахъ председателя Государственной Думы къ председателю Государственнаго Совѣта и министру юстиціи.

Къ самому г. Щегловитову!

Это напоминаетъ обычное причитанье:

— Я до министровъ дойду!...

Родзянко указываетъ Акимову на допущенныя Совѣтомъ неточности въ редакціи законопроекта.

И умоляетъ Щегловитова не допускать законъ, воспріавшій силу помимо Государственной Думы, къ опубликованію.

Шмурыгаетъ туфлями и шамкаетъ:

— А старичка-то забыли!

Трогательный, старый Фирсъ. Нѣтъ твоей Раневской, которая одна могла-бы тебя вспомнить и защитить. Наша Раневская далеко.

Надо было позабыть, — и забыли.

И забудутъ совсѣмъ...

Фирсъ не услышалъ отвѣта на свой стонъ, прошелъ тусклой тѣнью тихонько черезъ весь опустѣвшій залъ и растаялъ, и удался въ противоположныя двери.

Куда онъ пойдетъ теперь, забытый и никому не нужный старикъ?

Не кажется-ли вамъ, что письма Родзянко — послѣдній вздохъ нашей свободы, заключительный аккордъ этой унылой комедіи?

Какъ торопливо звенятъ топоры, какъ тяжело трещать и падаютъ деревья!...

Представленіе окончено. Занавѣсъ опустился.

Жахавовъ